

Отзыв официального оппонента
доктора филологических наук Алексея Игоревича Любжина на
диссертацию Евгении Сергеевны Куйкиной «Античные сюжеты в
балладах В. А. Жуковского», представленную на соискание ученой
степени кандидата филологических наук по специальности 10.01.01 —
русская литература

В последние годы тема рецепции античного наследия в русской литературе привлекает активное внимание исследователей. Свидетельством ее популярности является, в частности, сборник «Музы у зеркала. Античные мотивы в русской литературе», (М., Новый хронограф, 2015), с републикациями многочисленных статей, посвященных этой в высшей степени увлекательной проблематике; однако работа, нами рассматриваемая, сложнее по своему замыслу: она изучает текст В. А. Жуковского в перекрестном освещении античного оригинала и немецкого посредника. На наш взгляд, диссертант умело справляется с этой задачей.

Работа состоит из Введения и четырех глав. Общим для всех элементов является формальный «паспорт» каждого перевода или оригинального стихотворения: указывается размер, характер строфики, особенности рифмовки в сравнении — в подавляющем большинстве случаев — с оригиналом. Для гекзаметрических произведений дается статистика частотности спондеев подлинника в сравнении с хореем перевода.

Первая глава посвящена раннему творчеству Жуковского. Она содержит «школьный» компонент — описывает филологическую подготовку поэта к труду переводчика, а также обобщает профессиональную рефлексию поэта-переводчика в течение всего творческого пути, на фоне современных поэту представлений и нынешних достижений теории перевода. Кроме этого, в главе рассматриваются переводы од Сапфо и Горация (единственные в творчестве поэта, выходящие за рамки древнего эпоса; уже там обнаруживается христианизация античности, проявляющаяся скорее «отрицательно» — в фигурах умолчания) и ранние баллады — две переводные, из Ф. Шиллера («Кассандра» и «Ивиковы журавли») и единственная оригинальная на античный сюжет — «Ахилл». Е. С. Куйкина убедительно аргументирует непосредственное обращение В. А. Жуковского при создании этих баллад к гомеровскому эпосу и эсхилловской и софокловской трагедии. Анализируется язык переводов и статус славянизмов. Диссертант, впрочем, — вернемся к Сапфо и Горацию — недооценивает значение того факта, что в русской поэзии не сложилось традиции писать античными лирическими размерами (есть исключения вроде опубликованного в 1801 г. радищевского стихотворения «Сафические строфы») и практически совсем не существовало практики «эквиметрических» переводов античной поэзии (единственное известное нам исключение — кантемировский перевод 1-го стихотворения Катулла — вряд ли было известно Жуковскому). Таким образом, у поэта не было выбора, если он не являлся и не желал предстать дерзким новатором.

Вторая глава посвящена эпическим переводам до «Одиссеи» («Илиада», Вергилий, Овидий). Отмечается, что обращение к Овидию планировалось более обширным, нежели оно осуществилось в действительности, в т. ч. и в области баллады. Изначально балладная форма задумывалась и для «Цейкса и Гальционы». В диссертации анализируются способы создания повышенного эмоционального напряжения. Что касается «Разрушения Трои», диссертант подчеркивает пиетет переводчика к оригиналу: отказ дописывать незавершенные стихи, enjambements, обилие замедляющих хореев. Анализируется язык перевода, а также способы

христианизации эпоса. Что касается «малой Илиады», диссертант останавливается на принципе выбора отрывков, с повышенным вниманием к наиболее трагическим, патетическим эпизодам, на связи «малой Илиады» с балладным творчеством. Она полагает, что поэт обращался к греческому тексту в том числе и непосредственно, мотивируя это способом транслитерации имен, независимым от Гнедича. Мы со своей стороны не считаем этот аргумент достаточным; вопрос остается в подвешенном состоянии. Как и в других случаях, подчеркивается переосмысление темы «в контексте христианских идей милосердия, смирения и всепрощения».

Третья глава рассматривает рецепцию греческих мифологических сюжетов в поздних балладах, а также обращение к эдиповскому мифу в драматическом жанре. К гомеровским относится только одна из четырех баллад — «Торжество победителей». Две связаны с Деметрой («Жалоба Цереры» и «Элевзинский праздник»), одна воспроизводит обработанный Шиллером геродотовский рассказ («Поликратов перстень»). Кроме указанных, к числу источников относятся Страбон, Павсаний, V гомеровский гимн к Деметре. Подчеркивается внутренняя связь между «Торжеством победителей» и «малой Илиадой». Весьма тонко описывается редукция мотива счастья в «Поликратовом перстне», что подчеркивает существенную мировоззренческую разницу между Шиллером и Жуковским. Что касается «Элевзинского праздника», справедливо отмечается, что языковые средства перевода включают текст — в отличие от немецкого оригинала, где эта черта отсутствует, хотя была бы вполне возможна — в гомеровский контекст. Нравственные уроки Софокла при обращении к «Царю Эдипу» оказываются близки этическому кодексу «Одиссеи».

Что же касается четвертой главы, она посвящена произведению, в оценке которого диссертант согласна с автором: перевод «Одиссеи» — главное произведение В. А. Жуковского. Склонный подчеркивать смысловые расхождения и неточности А. Н. Егунов (и его единомышленник Н. В. Ярхо на с. 217) находит в диссертанте настойчивого критика, постоянно подчеркивающего, что упрек в неточности, адресованный переводчику, теряет свою силу перед лицом поэта. Внимание исследовательницы сосредоточено преимущественно на изучении эпитетов как наиболее ярких и выпуклых элементов воспроизведения на русской почве элементов гомеровского языка. Подчеркивается — как и ранее — стремление переводчика не совпасть с Гнедичем. Перевод рассматривается как синтез и венец всей прежней работы с античным материалом.

Заключение обобщает выводы работы, подчеркивая христианский элемент в мировоззрении поэта, постоянно сказывающийся на его переложениях, — от Сапфо и Горация до Гомера. Оно выделяет ведущую роль Гомера в античном мире Жуковского и в его творчестве, близость Гомера-«педагога» в восприятии греков и «учительствования» в жизни русского поэта. Отметим, что содержание работы шире заглавия; оно не ограничивается балладным материалом. Напротив, обобщающий заголовок в духе «Античность в творчестве В. А. Жуковского» предполагал бы несколько больший охват материала, хотя и несущественно; реминисценций античных авторов в оригинальном творчестве Жуковского за пределами рассматриваемых сюжетов немного.

К числу достоинств работы относится внимание к «школьной» и библиотечной проблематике. Очень важна констатация обращения к оригиналам в тех ситуациях, когда то или иное произведение представляет собой перевод шиллеровского посредника. Важно и справедливо постоянное подчеркивание — мы не всегда отмечали это в отзыве — способов и средств христианизации как античных, так и шиллеровских текстов и контекстов. Многочисленны и частные достоинства, из которых отметим некоторые, в частности, применительно к переводу из «Энеиды». Тонкие наблюдения —

внимание к передаче enjambements (с. 126), замена анафоры на эпифору в переводе Вергилия (с. 128). Весьма интересен анализ исследовательских мнений о психологии античных богов в восприятии Шиллера и Жуковского на с. 150. Важна и плодотворна настойчивость, с которой диссертант подчеркивает отличия подходов В. А. Жуковского и Г. А. Бюргера. Тонко анализ идейной концепции В. А. Жуковского на с. 162–163. На с. 203–204 умело рассматривается стремление Жуковского уйти от дословных совпадений с Н. И. Гнедичем в переводе эпитетов.

Работа, однако же, не лишена недостатков. В первую очередь это опечатки — как в греческом, так и в немецком и русском тексте (во французском мы таковых не обнаружили). На с. 57 мы встречаем выражение: «А. С. Пушкин говорит о необходимости диалектического единства буквальной точности и верности духу подлинника». Разумеется, этот язык чужд мышлению поэта, и лучше бы его в подобных ситуациях не употреблять. На с. 137 мы обнаруживаем ссылку на «Илиаду» с номерами строк, но без указания на песнь. На с. 160 при анализе рифмовки «Поликратова перстня» рифма характеризуется как точная; но если вообще имеет смысл применять эту терминологию к творчеству Жуковского (он, как и все лучшие поэты начала XIX века, шел в этом отношении за Херасковым, а не за Державиным), то именно в этой балладе встречается один из весьма немногочисленных примеров неточной рифмовки: храним/заплатил. Мы не можем одобрить настойчивое и некритическое обращение к суждениям В. Г. Белинского; как известно, он не мог перевести даже заглавия в тех немецких книгах, которые рецензировал, и потому, когда он оценивает качество перевода с немецкого языка, можно быть уверенным, что он транслирует чужое мнение. Выяснение истинных авторов его суждений — труднейшая и пока даже не поставленная задача русской филологии; но, обращаясь к статьям критика, всегда следует иметь в виду это обстоятельство. Эпитет κάμωρος представляет собой вариант κατάμωρος «подверженный судьбе» и в этом смысле «злополучный», он не является сложным образованием, включающим какός — «злой», что мы можем найти на с. 203. Лишними мы считаем объяснения терминов вроде инвокации на с. 175: те, кто прочтет диссертацию, в таком очевидно не нуждаются.

Также к числу недочетов работы мы должны отнести недостаточное, на наш взгляд, внимание к взаимоотношениям В. А. Жуковского и М. Ф. Мерзлякова. В работе рассматривается знаменитый скандал, связанный с прочтением «Письма из Сибири», — попыткой знаменитого критика скомпрометировать гекзаметр как размер стихотворного перевода в глазах публики. Однако необходимо было учесть связи Мерзлякова и Жуковского по Дружескому литературному обществу, подробно рассмотренные Филиппом Викторовичем Дзядко в диссертации 2007 г. «Культурная программа А. Ф. Мерзлякова в контексте литературного движения 1800 — 1810-х годов», выполненной в Институте высших гуманитарных исследований РГГУ. Отметим, однако же, что все упомянутые недостатки имеют частный характер и не влияют на положения и выводы работы. Диссертант, выбравший весьма сложную тему перекрестного античного и германского влияния, демонстрирует при решении проблем, с которыми сталкивается, неизменно высокую филологическую квалификацию.

Теоретическая значимость диссертации заключается прежде всего в осмыслении рецепции античной языческой литературы в творчестве поэта-христианина, путей и способов переработки античного материала для решения принципиально иных литературно-воспитательных задач.

Диссертация имеет *практическое значение*, заключающееся в возможности использования ее положений при чтении вузовских лекционных курсов и спецкурсов, посвященных как русской литературе в целом, так и в частности творчеству В. А. Жуковского или рецепции

античности в русской литературе, а также в научно-исследовательской работе.

Публикации и автореферат отражают содержание диссертации.

Диссертационная работа, представленная на соискание ученой степени кандидата филологических наук, соответствует паспорту специальности 10.01.01 – русская литература, отвечает требованиям, изложенным в пунктах 9-14 «Положения о присуждении ученых степеней», утвержденного постановлением Правительства Российской Федерации № 842 от 24 сентября 2013 г., а ее автор — Евгения Сергеевна Куйкина — заслуживает присуждения ученой степени кандидата филологических наук по специальности 10.01.01 – русская литература.

Любжин Алексей Игоревич,
доктор филологических наук,
директор департамента истории,
Автономная некоммерческая организация
высшего образования
«Университет Дмитрия Пожарского»,
Адрес: 125362, г. Москва,
ул. Подмосковная, д. 1/6, кв. 9
Электронная почта: vultur@mail.ru
Телефон: (8495)4911212

23 ноября 2016 г.

Автономная некоммерческая организация
высшего образования
«Университет Дмитрия Пожарского»,
Почтовый адрес: 172705, Тверская область, Фировский район,
дер. Кузнецово
Фактический адрес: 117418, г. Москва,
Нахимовский проспект, 47
Сайт: <http://usdp.ru/>
Электронная почта: info@usdp.ru
Телефон: 8 (800) 505-36-48

Подпись заверяю
Ректор УДП

А. В. Савватеев

